

УДК 32.019.5

Васильченко В.В.*Московский государственный областной университет***ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА:
СУЩНОСТЬ, ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ**

Аннотация. В статье раскрываются основные проблемы, связанные с различными научными трактовками сущности политического протеста, традиционных подходов к его содержанию и трансформациями, произошедшими в последние два десятилетия в различных регионах мира. Показана социальная природа политического протеста, в основе которого лежат политические интересы различных социальных групп и слоёв общества. В авторском понимании протестное политическое поведение масс представлено не только как дестабилизирующий фактор общественной жизни, но и как стимул, содействующий преодолению политической пассивности, апатии многих людей, вызванных укоренившимся в общественном сознании чувством о своем политическом бессилии.

Ключевые слова: политическое участие, политический протест, политическое поведение, политический интерес, абсентеизм, кризис власти.

V. Vasilchenko*Moscow State Regional University***THE PHENOMENON OF POLITICAL PROTEST:
ESSENSE, TRADITIONS AND INNOVATIONS**

Abstract. The article describes the main problems associated with different scientific interpretations of the essence of political protest, traditional approaches to the content and transformations that occurred during the last two decades in different regions of the world. The social nature of political protest is shown, which is based on the political interests of various social groups and strata of society. In the author's understanding the political protest behavior of the masses is presented not only as a destabilizing factor in society, but also as a stimulus with a positive potential, contributing to overcome the political passivity, apathy of many people, caused by the feeling of their political weakness ingrained in the public consciousness.

Key words: political participation, political protest, political behavior, political interest, absenteeism, crisis of power.

Понимание сущности политического протеста и его эволюции в историческом контексте связано с методологическими сложностями в определении самого понятия протеста из-за разнообразия имеющихся точек зрения и концептуальных подходов. Русский термин «протест» происходит

© Васильченко В.В., 2015.

от латинского *prōtestâri* – «изъявлять, открыто заявлять», и в этом смысле означает относительно открытую реакцию на ситуацию в обществе (иногда в поддержку, но чаще – против неё). Обычно выделяют *социальный* протест (как правило, носящий экономический характер) *политический* (как ответная реакция на конкретную

политическую ситуацию), *культурный* (обращённый к событиям культурной жизни).

Определенный интерес в объяснении протестного поведения граждан представляет теория американского социолога Д. Дэвиса о «революции растущих ожиданий», согласно которой политические протестные движения являются следствием спада экономического роста, стагнаций, когда рост экономических ожиданий граждан не соответствует их реальному экономическому положению. Результатом становится массовое недовольство граждан, переходящее в открытую агрессию в политической сфере [13, с. 373]. Соотечественник Д. Дэвиса – Т.Р. Гарр привнес в эту теорию положение о недостаточной самореализации человека, на основе собственных представлений о справедливости убедившего самого себя в том, что он достоин лучшего и большего. Разочарование вызывает раздражение, тревогу или даже отчаяние (фрустрацию), которые приводят к агрессивному поведению в политической сфере, участию в протестных акциях и других формах проявления недовольства [3, с. 61].

Интерес также представляет теория «бесшумной революции» Р. Инглхарта, согласно которой постиндустриализм приносит во все сферы жизни социальной жизни новые «постматериальные ценности» («ценности постмодерна»), которые, становясь доминирующими в постиндустриальном обществе, влекут за собой социетальные изменения (от необходимости равноправия женщин до трансформаций политических институтов). Сторонниками таких изменений становятся граждане, разделяющие «постматери-

альные ценности», и именно они более склонны к политическому поведению в неконвенциональных формах [5, с. 107].

В целом же традиционное восприятие политического протеста, протестных движений ассоциируется с недовольством существующим социальным порядком. В них находят свое отражение степень «информированности и понимания людьми политических процессов и состояний» [7, с. 153], свойственных данному периоду исторического развития конкретного общества. Диапазон их достаточно широк: от проявлений индивидуального и коллективного несогласия до открытого сопротивления и «бунтарских» выступлений представителей отдельных социальных групп и слоёв против функционирующего политического режима [6]. Однако было бы неверным считать, что протест несёт в себе только негативную составляющую: включая в себя критическое отношение к действительности, он несёт и позитивный «заряд», способствуя переосмыслению сложившихся социально-политических укладов.

В определении политического протеста единой точки зрения не существует, однако, все исследователи единодушны в том, что это – форма участия населения в политической жизни общества, выражающаяся в различных политических акциях. В частности, энциклопедические издания трактуют политический протест как вид политического участия, для которого характерно проявление «отрицательного отношения к политической системе в целом или к её отдельным элементам, нормам, ценностям в открытой, демонстративной форме»

[11, с. 56]. Такой подход созвучен с мнением зарубежных ученых, согласно которому политический протест является собой «коллективное действие или систему коллективных действий, направленных на изменение систем представительной и/или исполнительной власти, проводимой государственной политики или взаимоотношений между гражданами и государством в целом» [16, с. 6]; или – более жёстко – «использование разрушительных коллективных действий, нацеленных на институты, элиты, властвующие и другие группы и совершаемых для достижения некоторых коллективных целей и требований протестующих» [8, с. 150].

В исследованиях некоторых отечественных ученых политический протест также рассматривается как форма политического участия, включающая «совокупность публичных негативных реакций социальных субъектов на деятельность политического режима, с целью влияния на принятие решений» [14, с. 13]. Заметим: во всех приведенных дефинициях подчеркивается *коллективный характер* политического участия. Думается, что акцент на коллективность в содержании политического протеста не вполне корректен: малочисленные или даже индивидуальные протестные действия авторитетных личностей как в активной, так и в пассивной формах также достаточно значимы, и их можно с полным основанием отнести к той или иной форме политического протеста [2].

В основе любого политического протестного движения лежат политические интересы различных социальных групп и слоёв общества, образуя

совокупный политический интерес, в котором находит своё отражение общая заинтересованность всех социальных слоёв в целостности общества, в его нормальном функционировании. Это, однако, не означает, что в совокупном политическом интересе отражаются все частные интересы, поскольку многие люди политически пассивны, поглощены своими повседневными заботами о «хлебе насущном», о благополучии своей семьи, своего хозяйства, в результате чего они слабо влияют на содержание совокупного политического интереса. К чему это ведёт?

Для ответа на этот вопрос остановимся на реализации совокупного политического интереса, которая должна ложиться целиком и полностью на государственную власть. Но государство может и ущемлять совокупный политический интерес масс в угоду другим социальным слоям и группам. Так, в нашей стране в середине 90-х гг. около 10% наиболее богатых слоёв населения имели доход в 20-30 раз больше, чем наиболее бедные слои [4, с. 240]. Подобная пристрастность государственной власти связана, прежде всего, с тем, что в обществе с глубокой социальной дифференциацией обладатели капитала, олигархические слои, политическая элита имеют неизмеримо большие возможности влиять на социальную политику государства, исходя из своих интересов. Больше того, в условиях ущемлённой демократии, политической пассивности значительной части населения олигархия имеет возможность подчинять государственную политику своим корпоративным интересам в ущерб интересам большинства граждан. Несовпадение политических интересов властвующей элиты и рядо-

вых граждан служит объективной основой для социальных и политических противоречий и конфликтов. Именно на этой почве растёт неудовлетворенность политикой действующей власти, падает её легитимность, зреет недовольство народных масс и формируются условия для политического протестного движения, направленного вплоть до смены существующего режима.

В связи с этим важным представляется и другой аспект рассматриваемой проблемы: неправомерность толкования протеста как однозначно негативного явления. Дело в том, что политическое недовольство, находящее свое выражение в протестных движениях, вызревает, главным образом, в экономической сфере, поскольку именно социально-экономическое положение формирует политическую заинтересованность в определённом политическом режиме, определённой социальной политике. Если эта политика игнорирует совокупный политический интерес масс, она активизирует их политическую активность и подвигает их на массовое выражение недовольства в различных (в том числе радикальных) формах политического протеста. Но сам по себе такой протест в этом случае вполне оправдан, ибо он направлен на прогрессивные социальные изменения.

В подтверждение этой мысли приведём пример электорального поведения населения России в период радикальных политических трансформаций с конца 90-х гг. до первых лет нового столетия. Тогда определённая его часть проявляла так называемый «электоральный протест» – в формах голосования «против всех», со-

знательной порчи бюллетеней или вообще игнорирования процедуры выборов (абсентеизм). Такое политическое поведение, по сути, было и есть реакция на дефицит политического доверия стремящимся во власть и не может быть однозначно определено как неконвенциональное поведение, поскольку оно направлено на политическое оздоровление деятельности институтов власти; в то же время такое коллективное поведение отдельной части электората вполне укладывается в понятие «политический протест», но со знаком «плюс». Наконец, нельзя забывать о такой вполне конвенциональной форме политического протеста, как официально заявленные и разрешённые властью митинги, демонстрации, шествия и т.п. под лозунгами проведения «честных выборов», против фальсификации их результатов, коррумпированности властных структур и т.д. Важен и другой момент. Специалисты отмечают, что участие масс в различных политических акциях должно иметь определённые разумные пределы [1]. В таких случаях пассивное политическое поведение (неучастие в политических акциях) вполне целесообразно и может трактоваться как стабилизирующий фактор общественного развития.

Всё выше перечисленное даёт возможность констатировать, что в методологическом плане понятие политического протеста многогранно и сводить его к коллективным действиям неконвенционального политического поведения неправомерно. В этом отношении автор разделяет точку зрения отечественных исследователей В. Костюшева и В. Горьковенко, которые, основываясь на типологии

политических действий У. Милбрайт, включают в понятие политического протеста неконвенциональные и конвенциональные, коллективные и индивидуальные политические акции в различных (насильственных и ненасильственных) формах [8, с. 151-152]. Учитывая эти уточнения, политический протест можно определить как *открыто заявляемые активные или пассивные, коллективные или индивидуальные, конвенциональные и неконвенциональные политические акции, выражающие недовольство субъектов политического процесса существующим политическим порядком, функционированием отдельных институтов публичной власти и/или политической системы общества в целом.*

Какова роль протестного поведения в политической жизни общества?

Во-первых, в протестном поведении находят своё выражение насущные политические потребности и интересы различных социальных групп и слоёв общества; оно служит самым мощным стимулом к активным политическим действиям граждан. Позитивный момент здесь состоит в том, что этот стимул содействует преодолению политической пассивности, апатии многих людей, вызванных укоренившимся в общественном сознании чувством о своем политическом бессилии.

Во-вторых, протестное политическое поведение оказывает влияние на внутреннюю политику демократического государства, развитие участия населения не только в политической, но и в других сферах общественной жизни. Не случайно среди причин острейшего социально-экономического и политического кризиса в нашей стране в 90-е гг. называют крайне низкую политиче-

скую активность масс, приведшую впоследствии к их отторжению от действительного народовластия.

В-третьих, политический протест объективно способствует укреплению социальной базы публичной власти, её легитимности: социологические исследования показывают, что повышение политической активности масс заставляет действующую власть пристальнее анализировать собственные ошибки, ведущие к падению доверия граждан к государству, углублению разрыва между насущными интересами большинства населения и политикой властвующей элиты. Уровень и интенсивность протестного политического поведения – это своеобразный ориентир для корректировки и укрепления социальной базы политики властных структур и углубления процессов политической модернизации в стране [15, с. 125].

Традиционно политический протест характеризуется: а) направленностью (как правило, против конкретных политических, в том числе элитарных, групп, политического режима или политической системы в целом); б) относительно четко выраженным содержанием; в) требованиями политических преобразований. Это положение носит объективный характер и подтверждается всем ходом исторических событий во многих странах. Однако события начавшегося нового столетия, связанные с протестными движениями в Западной Европе и Северной Америке, с «цветными революциями», «арабской весной», украинским «майданом», привнесли в понятие политического протеста новые характеристики: направленность, содержание и требования изменений в обществе увязаны, в первую очередь, с пробле-

мами модернизации, демократизации, борьбы с коррупцией [10]. Как ни парадоксально, но наряду с особенным, все эти события имеют много общего, несмотря на значительную разницу самих стран и функционирующих в них политических режимов. Остановимся на этом несколько подробнее.

Как справедливо замечает А.Д. Лашевская, протест масс в ходе «арабской весны», развернувшийся на огромной территории Африканского континента и ставший после крушения мировой системы социализма едва ли не самым масштабным протестным событием, равно как и протестные движения в Северной Америке, Западной Европе, в Украине и у нас, в России, в содержательном плане следует рассматривать «не только как реакцию, но и в качестве имманентного социальному бытию состояния, периодически проявляющегося или обостряющегося, согласно ритму общественной жизни и математическому строю этого ритма подчиненного» [9, с. 175]. На наш взгляд, здесь есть три наиболее важных обстоятельства.

Первое. В этих выступлениях нет объединяющего начала – действительного стремления народных масс к радикальным переменам, направленным на формирование реального демократического государственного устройства: озабоченные своим снижающимся уровнем экономического положения, они менее всего привержены идеалам демократии и свободы и готовы поддержать всех, кто в митинговых словесных дискуссиях обличает действующую власть и обещает привнести в жизнь обычных граждан улучшения, лишь бы вовлечь их в стихию протеста и на этой волне «народ-

ного возмущения» самим прорваться к власти.

Второе. У возглавляющей и приходящей к власти бунтующей политической элиты нет реального представления о том, каким должно быть «новое» демократическое устройство страны, но оно для них и не является «путеводной звездой»: императивом является устремленность во власть – главное условие и предпосылка к собственному экономическому благополучию (читай: обогащению).

Третье. Во всех этих протестных выступлениях, в том числе кровавых, просматривается их политическая ангажированность (одинаковый сценарий): подогревание, как правило, накануне грядущих выборов, возмущения народных масс против власти вначале на относительно мирных демонстрациях, митингах, шествиях в защиту прав, свобод, любых других ценностей либеральной демократии, впоследствии переходящее в противостояние и открытое столкновение противоборствующих сторон. Наглядный пример – события в Украине. С одной стороны, сохранение и усиление антидемократических тенденций в эволюции политической системы, усиление бюрократизма, коррупция в органах власти, занятие в них командных высот олигархическими слоями объективно не могли не вызвать массовых протестов со стороны народных масс, основная часть которых обескуражена плачевными результатами социальных реформ более чем за двадцатилетний период «самостоятельного развития», потеряла веру во властные структуры и находится почти в шоке из-за слабости своих возможностей в отстаивании своих коренных интересов.

С другой стороны, налицо массивный саботаж значительной части политической и экономической элиты, чиновничества, новых богачей в отношении принимаемых законов, указов, решений правительства. Сохраняющиеся безответственность и пренебрежительное отношение к интересам народа на всех этапах власти и в обществе, откровенное, доходящее до угроз (и применение) физического насилия в ходе избирательных компаний по выборам президента и парламента (Верховной Рады) Украины, боевые действия в Новороссии под прикрытием так называемой «антитеррористической операции» лишь обостряют социальную напряженность в стране, являясь, по сути, главным препятствием на пути к формированию действительно демократического правового и социального государства. Здесь как нельзя лучше подходит выражение видного политолога Л. Пшевского: «Демократия прочна, когда большинство конфликтов разрешается при посредстве демократических институтов, когда никому не позволено контролировать результаты *ex post* и они не предрешены *ex ante*; результаты значимы в известных пределах и вынуждают политические силы им подчиниться» [12, с. 673].

Таким образом, объективной причиной и движущей силой политического протеста выступает неприятие (отторжение) существующих политических отношений, политического режима и/или политической системы в целом различными социальными слоями общества в форме тех или иных конвенциональных и неконвенциональных политических акций. Результатом политического протеста, как правило,

становится усиление политической напряженности в обществе, обострение социальной конфликтности в области политических отношений, социально-политическая дифференциация по социально-классовым, национальным, конфессиональным и иным признакам, нарушение баланса политических сил, кризисные явления власти. Однако политический протест может играть и положительную роль: в демократическом обществе способность масс к политическому протесту характеризует степень зрелости институтов гражданского общества, стабилизирующий фактор общественного развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранов Н.А. Протестное политическое поведение: курс лекций // Персональный сайт Николая Баранова [сайт]. URL: <http://nicbar.ru/index.htm> (дата обращения: 12.04. 2015).
2. Борщ А.А. Формы политической борьбы // Обозреватель. 2010. № 12. С. 49-59.
3. Гэрт Р.Т. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с.
4. Голубев В.И., Пирогов А.И. Политология и политическая жизнь России. М.: Народный учитель, 1999. 355 с.
5. Инглхарт Р. Культура и демократия // Культура имеет значение: каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: АСТ, 2002. С. 106-128.
6. Касович А.А. К вопросу об основных причинах политического протеста в современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион (Общественные науки). 2014. № 1. С. 42-50.
7. Костюшев В.В. Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис. 2011. № 4. С. 144-157.

8. Костюшев В.В., Горьковенко В.В. Социологическое описание коллективных протестных действий: информационная база данных акций протеста (PRODAT-SPb) // *Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию*. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. С. 144-177.
9. Лашевская А.Д. Социальный протест и социальная критичность: новые времена // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2013. Вып. 2 (14). С. 175-181.
10. Манойло А.В. «Цветные революции» и проблемы демонтажа политических режимов в меняющемся мире // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. 2014. № 2. 14 с.
11. Погорельый Е.Д., Филиппов К.В., Фесенко В.Ю. *Новейший политологический словарь*. Ростов-н/Д: Феникс, 2010. 318 с.
12. Пшеворский Л. Переходы к демократии // *Политология: хрестоматия* / под ред. М.А. Василика, М.С. Вершинина. М.: Гардарики, 2000. С. 673-692.
13. Селле П. Когда происходят революции? // *Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза*. М.: РОСПЭН, 2009. С. 371-387.
14. Челпанова Д.Д. *Характер и динамика протестной активности на юге России: автореф. дисс. ... канд. социол. наук*. Новочеркасск, 2011. 22 с.
15. Панкратов С.А., Гаранин О.Ю. Тенденции и основные направления организации протестной активности в современном обществе // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2008. № 1. С. 123-125.
16. *The Politics of Protest: Comparative Perspectives on State and Social Movements* / eds. J.C. Jenkins, B. Klandermans (*Social Movements, Protest, and Contention: Book 3*). Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1995. 382 p.